

Революционная повседневность: будни Советской Баварии в апреле 1919 году

Аннотация: история Баварской Советской республики (БСР), провозглашенной анархистами и левыми социалистами («независимцами», НСДПГ) 6 апреля 1919 г., возвращенной к жизни коммунистами неделю спустя и разгромленной правительственными войсками в начале мая того же года, долгое время оставалась сакральной темой как в публицистике КПГ, так и в советской историографии. Напротив, широкий спектр идейных противников советского эксперимента в Южной Баварии использовал эти события для доказательства утопичности планов революционного выхода из кризиса, связанного с окончанием Первой мировой войны. И приверженцев, и противников БСР в оценке ее исторического опыта объединяло внимание к строительству государственного аппарата по образу и подобию большевистской диктатуры, действиям властей в социально-экономической сфере, силовому противостоянию баварской Красной армии и «белогвардейцев». За рамками исследовательского интереса оставалась будничная жизнь подавляющей части населения, скорее пассивно, нежели активно вовлеченного в революционный процесс. Однако именно его эмоции и настроения, действия и бездействие в конечном счете предопределили трагическую судьбу Советской Баварии. Обращаясь к теме революционной повседневности и подчеркивая ее значение для реконструкции многомерной картины истории БСР, автор отдает себе отчет в том, насколько узкой является источниковая база подобного исследования. Наряду со скоротечностью самого существования советской республики с центром в Мюнхене и сознательным уничтожением ее документального наследия немаловажную роль сыграло и то обстоятельство, что коммунисты запретили выход в свет независимых от власти газет, отнесенных к разряду «буржуазной прессы». И все же дело совсем не безнадежно. Автора выручили многочисленные дневники очевидцев событий, большинство из которых было опубликовано уже в 1960–1970-е гг., а также богатая мемуарная литература, появившаяся в межвоенный период. Наконец, уникальную информацию о буднях БСР содержат судебные дела ее активных участников, отложенные в фонде прокуратуры Государственного архива Баварии и на сегодняшний день лишь частично введенные в научный оборот.

Ключевые слова: Германская революция, Советская республика Баварии, Компартия Германии, Красная армия, продразверстка, Мюнхен, Альпы, рабочее движение, международный социализм, анархизм.

История Баварской Советской республики (БСР), провозглашенной анархистами и левыми социалистами («независимцами», НСДПГ) 6 апреля 1919 г., возвращенной к жизни коммунистами неделю спустя и разгромленной правительственными войсками в начале мая того же года, долгое время оставалась сакральной темой как в публицистике КПГ, так и в советской историографии¹. Напротив, широкий спектр идейных противников советского эксперимента в Южной Баварии использовал эти события для доказательства утопичности планов революци-

онного выхода из кризиса, связанного с окончанием Первой мировой войны².

И приверженцев, и противников БСР в оценке ее исторического опыта объединяло внимание к строительству государственного аппарата по образу и подобию большевистской диктатуры, действиям властей в социально-экономической сфере, силовому противостоянию баварской Красной армии и «белогвардейцев». За рамками исследовательского интереса оставалась будничная жизнь подавляющей части населения, скорее пассивно, нежели активно вовлеченного в революционный процесс. Однако именно его эмоции и настроения,

¹ Werner P. Die Bayrische Räterepublik. Tatsachen und Kritik. Leipzig. 1919; Вернер П. Евгений Левинэ и Баварская советская республика. М. 1923; Застенкер Н. Е. Баварская советская республика. М. 1934.

² См. подробнее: Ватлин А.Ю. Советская республика в Баварии: история политических мифов. – Новая и новейшая история. 2013. № 4.

действия и бездействие в конечном счете предопределили трагическую судьбу Советской Баварии.

Обращаясь к теме революционной повседневности и подчеркивая ее значение для реконструкции многомерной картины истории БСР, автор отдает себе отчет в том, насколько узкой является источниковая база подобного исследования. Наряду со скоротечностью самого существования советской республики с центром в Мюнхене и сознательным уничтожением ее документального наследия немаловажную роль сыграло и то обстоятельство, что коммунисты запретили выход в свет независимых от власти газет, отнесенных к разряду «буржуазной прессы». И все же дело совсем не безнадежно. Автора выручили многочисленные дневники очевидцев событий, большинство из которых было опубликовано уже в 1960-1970-е гг.³, а также богатая мемуарная литература, появившаяся в межвоенный период⁴. Наконец, уникальную информацию о буднях БСР содержат судебные дела ее активных участников, отложившиеся в фонде прокуратуры Государственного архива Баварии и на сегодняшний день лишь частично введенные в научный оборот⁵.

«Своеобразие революции в Мюнхене заключалось в том, что нигде в городе полностью не прекращалась повседневная жизнь. Напротив, были кварталы, которые казались совершенно не изменившимися, совсем мирными», вспоминал один из очевидцев событий в Советской Баварии⁶. За годы войны горожане научились приспосабливаться к любым новациям местной и центральной власти⁷. Придя к власти, коммунисты пообещали обывателям конец спокойной жизни. Отныне им придется бояться не только случайных выстрелов, но и опасаться за свой банковский счет и постоянный доход, получаемый без приложения собственного труда⁸.

³ Hofmiller J. Revolutionstagebuch 1918/19. Aus den Tagen der Münchner Revolution. Leipzig. 1939; Mann Th. Tagebücher 1918-1921. Frankfurt am Main. 1979; Die Münchener Räterepublik. Zeugnisse und Kommentar. Hrsg. von T. Dorst. München. 1966; Revolution und Räterepublik in München 1918/19 in Augenzeugenberichten. Hrsg. von G. Schmolze. Düsseldorf. 1969.

⁴ Mühsam E. Von Eisner bis Leviné. Die Entstehung und Niederlage der bayrischen Räterepublik. Berlin. 1929; Pitroff D. Gegen Spartakus in München und im Allgäu. München. 1937; Mueller K. Mars und Venus. Erinnerungen 1914-1919. Stuttgart. 1954.

⁵ Bayerisches Staatsarchiv (далее – StAB). Staatsanwaltschaft.

⁶ Штейдле Л. От Волги до Веймара. М. 2010. С. 43.

⁷ «За время войны мы привыкли первым делом думать о том, как можно обойти тот или иной закон. Чем более демократическим становится правительство, тем больше возможностей такого рода открывается перед нами», - отмечал в своем дневнике 21 апреля 1919 г. мюнхенский учитель Иозеф Хофмиллер (Hofmiller J. Op. cit. S.195).

⁸ Münchener Revolutionsstimmung. – Mitteilungen des Vollzugsrates der Betriebs- und Soldatenräte (далее – MV). 17. April 1919. Nr. 4.

Первым делом на мюнхенцев обрушился девятый вал декретов и постановлений, афишных тумб не хватало, плакатами были заклеены заборы и витрины магазинов в центре города. Женщины из приличных семей передавали друг другу слухи об арестах и обысках, утверждая, что ходившие по домам солдаты не могли быть «местными», их выдавало произношение и внешний вид. Врывающиеся в квартиры предъявляли невразумительные мандаты, угрожали: «Подождите, недалеко то время, когда мы поставим к стенке по одному человеку от каждой буржуйской семьи»⁹. Писатель Томас Манн бесстрастно фиксировал в своем дневнике рассказы прислуги о грабежах в городе, пока не впал в бешенство, узнав о принудительном вскрытии банковских сейфов – эта мера касалась его лично. Для зажиточных мюнхенцев апрель 1919 г. стал месяцем «великого страха» в отдельно взятом городе, который еще недавно казался самым милым и уютным на свете.

Представители социальных «верхов» предпочитали перестраховаться – их исход из Мюнхена начался сразу же после убийства 21 февраля 1919 г. руководителя революционного правительства Баварии Курта Эйснера. Беженцы рангом попроще заполняли гостиницы и пансионы в альпийских предгорьях, санатории, расположенные неподалеку от города. С провозглашением Советской республики бегство приобрело массовые масштабы. Шикарные отели в центре Мюнхена давно уже перестали ждать состоятельных клиентов. Оставшихся в городе удерживала надежда на скорое завершение советского эксперимента. «Не верю, что режим продержится больше нескольких дней», – записал Томас Манн в своем дневнике 17 апреля¹⁰.

Провозглашение всеобщей стачки пришедшими к власти коммунистами радикально изменило внешний облик центра города. С его улиц исчезли легковые автомобили и извозчики, из страха перед «босяками» закрылись многие рестораны и кафе. Магазины, которым было предписано продавать товары по фиксированным ценам, открывались всего на несколько часов в день. Ночью буржуазные кварталы буквально вымирали, утром на улицах и площадях собирались небольшие группы прилично одетых горожан, они передавали из уст в уста последние известия: руководители БСР бежали, прихватив огромные суммы казенных денег, на складах солдаты растаскивают остатки продовольствия, город окружили правительственные войска.

Зато на рабочих окраинах бурлила жизнь. В дни всеобщей стачки трактирам запрещалось

⁹ StAB. Staatsanwaltschaft. 2268.

¹⁰ Mann Th. Op. cit. S. 202.

продавать вино. Политически активные рабочие, прежде всего молодежь, переместилась из пивных в здания школ и гимназий, где были образованы сборные пункты отдельных районов (их стали называть секциями, что вызывало ассоциации с Парижской коммуной). Некоторые из зданий были ранее реквизированы для размещения войск, иногда их приходилось освобождать от прежних обитателей буквально с боем. Наиболее известными местами, где собирались сторонники КПП, были гимназии Луитпольд и Гильдейн (в последней собирались рабочие секции Вестэнд). Там готовился общий обед, проводились политические занятия, многие мужчины и женщины оставались ночевать, чтобы не возвращаться к надоевшему быту. Для многих происходившее выглядело неким перформансом, т.е. театральным представлением, в котором каждый мог принять участие.

В воспоминаниях очевидцев представлены живописные образы молодых людей, только что записавшихся в Красную Армию. Им выдали оружие, но не объяснили, как с ним обращаться, и новобранцам не терпелось попробовать его в действии. Как только над городом появлялся самолет, разбрасывавший листовки «белогвардейцев», на улицах начиналась беспорядочная стрельба. Тут не помогали никакие запреты, вольных стрелков не останавливало даже то, что в результате такого заградительного огня было убито и ранено несколько обитателей верхних этажей, неосторожно высунувшихся из окон.

Центральный вокзал Мюнхена, с ноября 1918 г. неоднократно переходивший под контроль различных вооруженных отрядов, оставался государством в государстве. В то время как железнодорожники продолжали свою работу, на перронах и в залах ожидания ежечасно разворачивались драматические события. Запрет самовольного ввоза в город продуктов питания оборачивался произволом: патрули конфисковывали найденное у пассажиров в свою пользу, поэтому за контроль над мюнхенскими вокзалами и даже отдельными пакагаузами шла настоящая война между группами солдат, которые возглавляли самозванные коменданты. «Каждый из спартаковских унтер-офицеров делал все, что хотел»¹¹. С 21 апреля были отменены железнодорожные билеты. Попастъ на поезд можно было только по предписанию транспортной комиссии Исполкома либо по партийному билету НСДПГ или КПП, если партстаж его владельца превышал три месяца

¹¹ См. воспоминания чиновника Центрального вокзала Мюнхена: Siegert M. Aus Münchens schwerster Zeit. Erinnerungen aus dem Münchener Hauptbahnhof während der Revolutions- und Rätezeit. München. 1928.

ца¹². На подобные детали мало кто обращал внимание, вагоны брали штурмом, в течение нескольких часов ожидая отправления состава—о расписании уже никто не вспоминал.

Наблюдатели отмечали обилие солдатских шинелей и рабочих кепок, наводнивших центр Мюнхена в первые дни после провозглашения советской власти. Из-за стачки приходилось ходить пешком, отсутствие трамваев вызывало недовольство всех горожан. Уже в пятницу 18 апреля была возобновлена работа мюнхенских театров и цветочных магазинов, что породило волну насмешек со стороны «истинных» коммунистов. Лидерам КПП пришлось выдерживать настоящую осаду со стороны рабочих, утверждавших, что стачка бьет по их кошельку. Обещаниям, что власти заставят предпринимателей выплатить полную зарплату за стачечные дни, последние не верили. Владельцы мастерских, магазинов, трактиров просто не имели для этого свободных средств. На собрании фабзавкомов 16 апреля лидер баварских коммунистов Евгений Левинэ внес предложение, чтобы в таких случаях за простой заплатил профсоюз, но отказался делать какие-либо послабления для мелких предприятий¹³. По подсчетам комиссара финансов БСР Эмиля Мэннера, забастовка стоила предприятиям и городской казне около 10 млн. марок¹⁴.

Перед новой властью стояла непростая задача убедить своих сторонников в том, что жизнь для них начинает меняться к лучшему. Вопрос о равных политических правах всех граждан Германии был уже решен, хотя никакая конституция не могла устранить социального неравенства. Обещание особых прав для трудящихся получило свое формальное воплощение в системе советов, избравшихся по профессиональному признаку. Рабочий контроль над производством, равно как и социализация ключевых отраслей промышленности, также казались «задачей дня», за которую в течение предшествующих десятилетий выступали социалистические партии.

Объявив всеобщую стачку, Левинэ на некоторое время сбил волну ожиданий немедленного скачка в «светлое будущее». Как и в России, драпируемая под диктатуру пролетариата власть коммунистов могла предложить социальным низам лишь одно—перераспределение в их пользу наличного общественного богатства. Лидеры БСР ребром постави-

¹² Bahnverkehr – MV. 21. April 1919. Nr. 8.

¹³ StaB. Staatsanwaltschaft. 2106. Bd.1. Bl. 352.

¹⁴ Об этом Мэннер говорил на собрании фабзавкомов Мюнхена 19 апреля (Gerstl M. Die Münchener Räte-Republik. München 1919. S. 88). Только на выплату зарплат рабочим мелких предприятий в дни забастовки из государственной кассы было потрачено 800 тыс. марок.

ли вопрос об экспроприации жилищного фонда буржуазии: «Наш принцип—дать каждому рабочему приличное обиталище и устранить жилищную роскошь богачей. Прочь из ваших темных закоулков! Жилища имеются. Возьмите их»¹⁵. Однако мюнхенские рабочие, в отличие от своих русских товарищей, не спешили воспользоваться широким жестом новых властей. Сказывалось традиционное немецкое законопослушание и уважение к частной собственности, кроме того, люди не верили в прочность БСР и боялись, что, клонув на ее призывы, вскоре окажутся козлами отпущения. В источниках не зафиксировано ни одного случая выселения или «уплотнения» зажиточных горожан для того, чтобы в их квартиры вселились потомственные пролетарии.

Значительную роль в повседневной жизни БСР играло перераспределение продовольствия в пользу рабочих—в годы войны им пришлось пережить достаточно лишения, карточная система именно для них стала «гениально организованным голодом»¹⁶. Всех горожан объединял страх перед тем, что дефицит продуктов в условиях правления коммунистов примет катастрофические масштабы. Выступая на собраниях фабзавкомов, Левинэ постоянно обещал не сокращать рацион выдачи продуктов, в том числе для детского питания. Возглавлявшийся им Исполком БСР принял специальное постановление о запрете переработки молока в сыр и масло.

Изгнанному из Мюнхена правительству, которое возглавлял социал-демократ Иоганн Гофман, удалось закрепиться в Северной Баварии и оттуда организовать продовольственную блокаду южных регионов. Не меньшую роль играло и сокращение подвоза продуктов из альпийских предгорий, формально находившихся под контролем БСР. За годы войны крестьяне привыкли к тому, что плоды их труда стали мерой всех вещей, а горожане сами приезжали за ними в деревню, предлагая на обмен все, что угодно. Оставалось последнее средство—тотальный учет и перераспределение запасов продовольствия, прежде всего у зажиточных горожан. В годы войны этим ведало специальное подразделение мюнхенского магистрата, теперь данным вопросом занялись представители советской власти.

В архиве Баварии сохранилась специальная инструкция по поиску тайников с продуктами, изданная экономической комиссией Исполкома. Минимум, который оставляли для личного пользования семьи, составлял 10 яиц, 4 фунта муки, центнер картошки, 30 бутылок вина¹⁷. Нерационируемые

продукты (пиво, соленья, повидло) конфискации не подлежали. Чтобы избежать произвола, была достигнута договоренность, что сотрудники экономической комиссии (было задействовано до 35 человек) будут проводить обыски совместно с чиновниками магистрата. В ходе следствия после подавления БСР последние утверждали, что адреса, куда следовало отправиться с обыском, зачастую определялись по доносам соседей. Богатая добыча попадала в руки инспекторов при обысках магазинов и трактиров. Естественно, владелец продуктовых запасов пытался «договориться по хорошему», усаживал проверяющих за стол, предлагал взятку. Самые предусмотрительные предъявляли документы, что они являются коммунистами, продукты оставлены им на хранение отрядами красноармейцев и т.д.

Реквизированные экономической комиссией запасы не могли разрешить проблему обеспечения огромного города продовольствием. Их свозили в городскую комендатуру, а потом отдавали в больницы и социальные учреждения¹⁸. Серьезной головной болью лидеров Мюнхенской коммуны стали самовольные реквизиции, участие в которых принимали представители социальных низов: красноармейцы и солдаты местного гарнизона, рабочие и безработные, служащие советских учреждений и отпетые рецидивисты. Стихийный розыск и передел продуктов, о масштабах которого мы не имеем достоверных данных, был самым очевидным источником «великого страха», который охватил зажиточных горожан.

Этот передел не являлся грабежом в классическом смысле слова—предоставленные сами себе, воинские части и учреждения начинали заниматься «самоснабжением». Как правило, участники реквизиций предъявляли ордера и мандаты разной степени подлинности. Случалось, что сотрудники экономической комиссии и магистрата сталкивались при обыске с командой вооруженных красноармейцев, которая увозила обнаруженное продовольствие в свою казарму. Руководители отдельных секций КПГ приторговывали изъятыми продуктами, снабжали ими «нужных людей» и собственных родственников. Большинство рядовых красноармейцев не занималось «барахольством», они просто брали то, что считали необходимым для продолжения службы. Арестованный после падения БСР солдат Франц Лефлер показывал на следствии, что его воинская часть самовольно оставила позиции в Ресмооре, так как им несколько дней не подвоз-

¹⁵ Цит. по: Вернер П. Баварская Советская республика. М. 1924. С. 136.

¹⁶ Ленин В.И. ПСС. Т. 31. С. 15.

¹⁷ StaB. Staatsanwaltschaft. 2258a.

¹⁸ Этот факт признавал даже полицейский отчет, составленный после падения БСР. Источником злоупотреблений там называлось то, что члены комиссий получали оплату своего труда частью реквизированного имущества и продовольствия (Ibid. 3124. Bl. 125).

или еду¹⁹. Власти с каждым днем ужесточали меры борьбы с мародерами, подчеркивая в своих декретах, что всякая реквизиция без соответствующего полномочия на нее будет рассматриваться как грабеж. В обращении к солдатам и рабочим, подписанном военным комиссаром БСР Вилли Рейхартом 19 апреля, неправомерное изъятие продовольствия приравнивалось к предательству революции, а за последнее полагалась смертная казнь.²⁰

Отбывая из Мюнхена в город Бамберг в первую неделю апреля, правительственные чиновники захватили с собой клише для печатания денег – Бавария имела право на собственную эмиссию по согласованию с имперским правительством. Уже в первый день всеобщей стачки советские власти ощутили дефицит наличности, необходимой для оплаты военнослужащих Красной Армии и управленческого аппарата. В дальнейшем сумма долга росла как снежный ком, военачальники и командиры и самого разного ранга переходили от просьб к угрозам и самостоятельным действиям. Одним из условий, которое выдвинул Левинэ в ходе переговоров об образовании советского правительства, являлся немедленный захват банков представителями пролетариата.

На собрании фабзавкомов 17 апреля лидер БСР заявил о принятии драконовских мер в финансовой сфере. Во всех банках вводится народный контроль, в ближайшие дни будут конфискованы средства предпринимательских союзов и студенческих корпораций²¹. Сопратники Левинэ настаивали на полной конфискации иностранной валюты и драгоценностей, которые частные клиенты хранили в банках. Это превосходило самые страшные кошмары мюнхенской буржуазии. 26 апреля фабзавкомы получили право на оперативный контроль над денежным оборотом промышленных и торговых предприятий. Последние должны были ежедневно сдавать свою выручку в банк, им запрещалось иметь несколько счетов, выплачивать дивиденды своим акционером. Готовился и декрет о чрезвычайном налоге на капитал, но до его принятия дела уже не дошло²².

Лидеры БСР, в попытке разом решить проблему нехватки наличности, обращали свои взоры на восток, в направлении Будапешта и Москвы. Правительство Бела Куна получило в свое распоряжение солидные запасы валюты, хранившиеся в государственном банке Венгрии, и не отказывало в финансовых субсидиях австрийским коммунистам.

Доходила ли венгерская помощь до их баварских соратников, неизвестно. Однако как минимум дважды из Мюнхена в Будапешт на самолете направлялась делегация, перед которой стояла задача привезти из Советской Венгрии наличные деньги²³. На то, чтобы наладить печатание собственных денежных знаков, у лидеров Мюнхенской коммуны уже не хватило ни материальных ресурсов, ни времени.

Политические оппоненты нередко обвиняли российских большевиков в «пренебрежении к имеющейся духовной культуре»²⁴. История Советской Баварии свидетельствует скорее об обратном явлении. Ее лидеры просто не успевали реагировать на импульсы, идущие от творческой интеллигенции, многие представители которой увидели в приходе новой власти шанс заявить о себе. Мюнхен являлся одним из излюбленных мест проживания художественной богемы, а район Швабинг, где она предпочитала селиться, стал понятием нарицательным.

Важным центром культурной жизни являлся Мюнхенский университет, зимний семестр которого пришелся как раз на революционную эпоху и нес на себе отпечаток только что закончившейся войны. Состав обучающихся изменился за счет демобилизованных молодых офицеров, которые принесли в студенческую среду интерес к политике и идейный радикализм. После провозглашения Советской Баварии социалистически настроенные преподаватели провозгласили себя Революционным советом высшей школы, а сам университет – «пролетарским образовательным учреждением»²⁵.

За словами немедленно последовали дела. В главной аудитории университета постоянно проходили пропагандистские мероприятия в поддержку БСР, началось чтение специальных лекций для пролетариев Мюнхена, проходивших по вечерам. 17-го апреля состоялась лекция Томаса о Коммунистическом манифесте, 23-го – Бенхейма о большевизме и событиях в России, 29-го – Фриды Рубинер об отношении большевиков к демократии. Пресса БСР писала: «Пролетарии и пролетарки прорвали искусственно созданные барьеры. Они вошли в залы университета, и никакая темная сила не сможет удалить их оттуда»²⁶. Недовольные отсутствием занятий студенты срывали объявления о лекциях для мюн-

¹⁹ StaB. Staatsanwaltschaft. 7303.

²⁰ Gerstl M. Op.cit. S. 84.

²¹ StaB. Staatsanwaltschaft. 2106. Bd.1. Bl. 70.

²² См. выступление Мэннера на собрании фабзавкомов 26 апреля 1919 г. – Münchener Post. 28. April 1919.

²³ StaB. Staatsanwaltschaft. 2851. Bl. 41.

²⁴ Мартов О.Ю. Мировой большевизм. Берлин. 1923. С. 26.

²⁵ Ход событий в Мюнхенском университете реконструирован на основе судебных дел активистов «Революционного совета высшей школы» (StaB. Staatsanwaltschaft. 2652, 2973).

²⁶ Das Proletariat bricht das Bildungsmonopol. – MV. 19. April 1919. Nr. 5.

хенских рабочих, но до открытых столкновений дела не доходило.

Для школьников продолжались вынужденные каникулы, здания гимназий в годы войны были превращены в казармы и госпитали. На 23 апреля 1919 г. было назначено совещание учащихся средних школ Мюнхена под эгидой Революционного совета учеников. Инициаторы выдвигали на обсуждение здравые идеи: обеспечение автономии школ, сокращение числа обязательных предметов, увеличение роли спорта и творчества в образовательном процессе, отказ от экзаменов²⁷. Кроме того, речь шла об изъятии из школьных библиотек литературы, пропагандировавшей войну, о радикальном пересмотре содержания уроков религии, которые должны были избавить учащихся от механической зубрежки и сделать акцент на их этическое воспитание²⁸.

Если появление в Мюнхене различного рода союзов, советов и общественных комитетов отчасти объяснялось эгоистическими интересами их организаторов, получавших помещения и финансовые дотации от Исполкома БСР, то активное участие женщин в общественно-политической жизни революционной эпохи определялось высокими и искренними мотивами. Они покидали «церковь, кухню и детей» для того, чтобы продемонстрировать свое нежелание возвращаться к патриархальным устоям довоенного общества. Годы войны освободили их от покровительства мужчин, научили принимать самостоятельные решения, и теперь они были готовы без остатка отдаться революции²⁹. Не случайно женщина-«спартаковка» с горящим взором, папироской во рту и револьвером в руке стала одним из излюбленных образов политической карикатуры тех лет. Многие из женщин, примкнувших к советскому движению и оказавшихся на его левом краю, не были убежденными сторонницами коммунистических идей. Ими двигал протест против условностей и ханжества буржуазного общества, против освещенных моралью и религией правил, превращавших женщину в существо второго сорта.

Если у противников Советской Баварии «спартаковки» вызывали нескрываемое отвращение, то ее творцы порой практиковали потребительское отношение к своим экзальтированным сторонникам. Превращение секретарш в любовниц и наоборот являлось повсеместным явлением среди революционных вождей. Писатель Оскар Мария Граф

воспринимал революцию как победу «сексуал-демократии». Для него, как и для многих других представителей швабингской богемы, она была непрекращающимся спектаклем с эротическим подтекстом, что впоследствии нашло отражение в их литературных и публицистических произведениях.

После завершения всеобщей стачки в город вернулась обычная театральная жизнь. В Национальном театре стали давать специальные представления по низким ценам для трудящихся, в кассе следовало предъявить «какой-нибудь документ, подтверждающий принадлежность к рабочим и служащим»³⁰. Комитет действия революционных деятелей искусства призывал выйти на авансцену представителей нового поколения, не испорченного «капиталистической эпохой»³¹. Художники предлагали устроить авангардистские проекты на улицах города, кто-то лоббировал производство кинофильма о русской революции³². Безработные актеры жаловались на то, что им не дают возможности открыть собственный театр, и для облегчения своей деятельности требовали от властей не допускать никаких иных представлений за деньги³³.

Несмотря на попытки сведения личных счетов и введения цензуры «снизу», представители творческих профессий в дни Мюнхенской коммуны не испытывали особых неудобств. Напротив, происходившее в городе казалось им огромным перформансом, открытым для участия всем и каждому. Радикальные цели и грубая риторика коммунаров вызывали сочувствие и уважение, их неспособность наладить нормальную жизнь – временными трудностями на пути в светлое будущее. В Мюнхене работали кабаре, актеры которых, как и раньше, высмеивали тупость и самодовольство германских обывателей, была проведена специальная лотерея в помощь вдовам павших бойцов Красной Армии.

Эффектной презентацией новой власти стал массовый праздник, проведенный во вторник 22 апреля, в последний день всеобщей стачки. Его открывал парад частей Красной Армии и рабочих

³⁰ Nur für das werktätige Volk! – MV. 22. April 1919. Nr. 9.

³¹ Gerstl M. Op. cit. S. 70.

³² Автор идеи предлагал среди прочего включить в фильм сцену, в которой Ленин и Лев Толстой вместе идут на прием к царю Николаю Второму (Вернер П. Баварская Советская республика. С. 39).

³³ StaB. Staatsanwaltschaft. 2124a. Реакция советской власти оказалась на удивление оперативной. 26 апреля комендант Мюнхена приказал «запретить объединениям дилетантов ставить театральные постановки, особенно за плату». В распоряжение безработных актеров был предоставлен зал отеля «Леопольдштадт», первое представление должно было состояться уже 29 апреля 1919 г. (Verschiedenes. – MV. 26. April 1919. Nr. 13).

²⁷ An die kommunistischen und sozialistischen Schüler Münchens. – MV. 21. April 1919. Nr. 8.

²⁸ Bildungsrevolution. – MV. 21. April 1919. Nr. 8; Zur neuen Erziehung – MV. 26. April 1919. Nr. 16.

²⁹ Абрамс Л. Формирование европейской женщины новой эпохи 1789-1914. М. 2011. Ч. III.

отрядов, в котором, по разным оценкам, участвовало от 10 до 15 тыс. человек. Город оказался в распоряжении новых хозяев жизни: «на улице только рабочие, пролетарии, нигде на видно прилично одетых мужчин или элегантных дам. Складывается впечатление, что мюнхенская буржуазия исчезла с лица земли»³⁴. Будущий фотограф фюрера Генрих Гофман, сделавший в тот день уникальные снимки, вызвал законные подозрения у красноармейцев и был арестован³⁵. Возобновленное в субботу движение трамваев в день парада вновь остановили, чтобы напомнить горожанам о силе пролетариата и серьезности его намерений.

Готовясь к решающему столкновению на поле боя, обе партии гражданской войны в Баварии вели его активную пропагандистскую подготовку. На стороне бежавшего правительства, избранного ландтагом, была не только материальная поддержка берлинских властей³⁶, но и каналы влияния на общественное мнение всей Германии. Находившиеся в Бамберге представители Министерства иностранных дел вносили свой вклад в нагнетание истерии, утверждая в своих донесениях, что во главе БСР находятся «самые известные представители международного коммунизма», преимущественно русские, а сам город разделен на округа, каждый из которых отдан на разграбление тому или иному спартаковскому отряду. В переписке Бамберга и Берлина постоянно шла речь о захвате в Мюнхене заложников из числа богатых горожан, о расстрелах взятых в плен «белых»³⁷. Некоторые из этих «новостей» немедленно попадали на ленты телеграфного агентства Вольфа, а оттуда в германскую и мировую прессу.

Коммунары же находились в информационной блокаде, весь мир (не исключая и Россию) узнавал о событиях в Мюнхене от их политических противников. Первоначально на стороне лидеров БСР выступал такой важный фактор, как новизна – левые силы рассматривали события в Баварии как новый этап германской революции. Но постепенно соот-

ношение сил менялось в пользу контрреволюции. Трудно спорить с утверждением, что Советскую Баварию могла спасти только «массированная пропагандистская кампания во всех частях рейха»³⁸. В случае успеха такая кампания обеспечила бы рост симпатий к мюнхенским коммунарам, привела к попыткам повторения их опыта и деморализовала воинские части, направлявшиеся для подавления локальных революционных выступлений. Однако вести ее за пределами Южной Баварии было некому – только что созданная Компартия Германии лишилась в январе 1919 г. своих национальных вождей и находилась на полулегальном положении.

В дни существования БСР мюнхенская буржуазная пресса была поставлена под контроль революционной цензуры, газетные полосы заполнили декреты и обращения новой власти. В отличие от России, где простые люди впервые сталкивались с печатным словом уже в ходе революции, жители Мюнхена были избалованы обилием периодических изданий в довоенные годы. Отсутствие привычных источников информации вызывало недовольство подавляющего большинства горожан, из уст в уста передавались самые невероятные слухи. В дни всеобщей забастовки им приходилось читать исключительно «Сообщения Исполкома», которые раздавались бесплатно.

Коммунистическая подоплека этого ежедневного издания была очевидна даже непосвященным. Статьи из берлинской газеты КПП «Роте Фане» редактировались таким образом, что они выглядели безоговорочной поддержкой баварских коммунаров³⁹. Информация о событиях в Советской России и Венгрии занимала в «Сообщениях» больше места, чем репортажи из остальных частей Германии. Читатель практически ничего не мог узнать о ходе работы над новой конституцией страны в Веймаре или над мирным договором в Париже, зато имел возможность ознакомиться с программными документами Коммунистического Интернационала и статьями Ленина, которые попадали в редакцию окольными путями, в основном благодаря радиосообщению с Будапештом⁴⁰.

В конце концов, против запрета независимой прессы выступили на собрании фабзавкомов Мюнхена сами печатники, значительная часть которых осталась без работы. Их угроза отказаться от набора «Сообщений» и декретов БСР подействовала – с

³⁴ Der Rote Tag des Münchner Proletariats. – MV. 23. April 1919. Nr. 10.

³⁵ Гофман провел несколько часов в комендатуре, пока его не опознал кто-то из работавших там клиентов его фотомастерской. После этого по отношению к известному городскому фотографу проявили особую толерантность, выдав разрешение снимать все, что ему захочется (Гофман Г. Гитлер был моим другом. Воспоминания личного фотографа Гитлера 1920–1945. М. 2007. С. 28).

³⁶ Уже 7 апреля министр экономики имперского правительства получил указание увеличить поставку бумаги для ежедневной газеты Бамберга. – Akten der Reichskanzlei. Weimarer Republik. 13. Februar bis 20. Juni 1919. Boppard am Rhein. 1971. S. 144.

³⁷ См. донесения посланника Курта Рицлера из Бамберга от 17–19 апреля 1919 г. – Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes. 2733.

³⁸ Höller H. Der Anfang, der ein Ende war: die Revolution in Bayern 1918/19. Berlin. 1999. S. 229.

³⁹ Die bayerische Räterepublik – keine lokale Machtfrage. – MV. 18. April 1919. Nr. 5.

⁴⁰ Так, статья Ленина о Брестском мире была перепечатана из газеты итальянских социалистов «Аванти» (MV. 26. April 1919. Nr. 13).

23 апреля начали выходить газеты КПП и НСДПГ, с 26 апреля – популярная в городе «Мюнхенер Пост». Из-за цензуры и блокады эти издания не могли в полной мере удовлетворить информационного голода горожан, обескураженных калейдоскопом происходивших событий.

Применительно к Советской Баварии мы с полным правом можем говорить о «революции плакатов». Именно из плакатов, расклеенных по всему городу, люди узнавали о том, какая нынче власть в городе, о ее последних распоряжениях, именно плакаты становились главным средством пропагандистского воздействия. Магазинные витрины были сплошь заклеены объявлениями, декретами, призывами и прокламациями. Осталось интересное наблюдение одного из очевидцев описываемых событий: «Клейстер оказывается более прочным, чем все правительства и революции... Плакаты давно ушедших в небытие правительств все еще продолжают висеть на улицах, и к ним стекается публика, жаждущая хотя бы что-нибудь прочитать»⁴¹.

На «революцию плакатов» правительство Гофмана отвечало пропагандистскими ударами с воздуха. Пользуясь наличием значительного авиапарка, оно регулярно разбрасывало над Мюнхеном собственные листовки и газеты. Первые прокламации из Бамберга появились в городе уже 9 апреля вечером, они требовали от чиновников сохранять верность правительству, избранному ландтагом⁴². Некоторые листовки состояли всего из одной-двух фраз: «Выше голову, не падайте духом! Помощь придет в самое ближайшее время»⁴³. Запрет властей БСР на чтение контрреволюционной литературы ни к чему не приводил, хотя за распространение враждебных слухов обещали строго наказывать: «Долг каждого красноармейца – арестовывать болтунов, которые своей ложью подрывают авторитет Советской республики и ее вождей»⁴⁴. Никакого эффекта не давал и стихийный обстрел самолетов, круживших над центром города.

С каждым днем пропагандистское воздействие Бамберга на горожан нарастало, оно велось по всем правилам психологической войны. Ложь перемешивалась с правдой, ставка делалась на раз-

жигание ненависти к «пришельцам», страха перед голодом и хаосом, с которыми отождествлялась советская власть. «В Мюнхене неистовствует русский террор» утверждал подзаголовок листовки, разбрасывавшейся над городом 16 апреля⁴⁵. Чужеродный характер вождей БСР подчеркивался не только ссылками на их небаварское происхождение, но и использованием в пропаганде не немецкого слова «совет» (Rat), а его русского эквивалента (Sowjet)⁴⁶. От имени крестьянских союзов Северной Баварии Гофман обещал лишить БСР поставок продовольствия. В другой листовке утверждалось, что на левом берегу Дуная стоят наготове эшелоны, с продуктами, которые будут розданы мюнхенцам, как только в городе будет восстановлен порядок.

Подспудно тлевшие антисемитские настроения баварцев выплеснулись на поверхность уже в первые дни революции. Тезис о всемирном еврейском заговоре, прикрывавшемся знаменем рабочего Интернационала, находил сторонников во всех слоях общества⁴⁷. Популярным приемом психологической войны, пришедшим с полей Первой мировой, являлись истории о массовом насилии над женщинами и даже об их обобществлении. Подобным утверждениям коммунисты давали грубоватодоходчивый ответ: «Жаль, что распутные буржуазные дамочки узнали об этом обстоятельстве только из листовок, разбрасываемых летчиками Гофмана над Мюнхеном. Жаль, а то они охотно опочили бы на мохнатой, запятнанной кровью груди красноармейца»⁴⁸.

В условиях почти полной изоляции от остальной Германии пропагандисты БСР могли бы сделать ставку на сепаратистские и антипруссские настроения, достаточно сильные в предгорьях Альп. Но они сами являлись «пришельцами», а самое главное – убежденными сторонниками ортодоксального марксизма, согласно которым перспективу на будущее имело только унитарное государственное устройство. Напротив, бамбергцы сумели обратить себе на пользу партикуляризм и патриархальные настроения значительной части местного населения, прежде всего крестьянства. Образы поставленного с ног на голову собора Мариенкирхе, низверженной и поруганной скульптуры «Дева Бавария» наглядно отражали то обещание рестав-

⁴¹ Запись в дневнике от 20 апреля 1919 г. (Hofmiller J. Op. cit. S.195).

⁴² Siegert M. Op.cit. S. 53.

⁴³ Данная листовка была подписана Гофманом и его военным министром Шнеппенгорстом, она разбрасывалась над Мюнхеном с самолетов 21 апреля 1919 г. (Gerstl M. Op.cit. S. 89).

⁴⁴ Приказ Главнокомандующего Красной Армией Рудольфа Эгльхофера от 28 апреля 1919 г. – Appelle einer Revolution. Dokumente aus Bayern zum Jahr 1918/1919 ; das Ende der Monarchie, das revolutionäre Interregnum, die Rätezeit. München 1968. Anlage 81.

⁴⁵ Ibid. Anlage 94.

⁴⁶ Ein Faulspruch der Nauener Station "An alle". – MV. 16. April 1919. Nr. 3.

⁴⁷ Одна из женщин, арестованных после занятия Мюнхена правительственными войсками, приводила мнение охранников тюрьмы: «Все спартаковцы – русские и галичане», т.е. галицийские евреи (Вернер П. Баварская Советская республика. С. 101).

⁴⁸ Там же. С. 72.

рации старого и доброго порядка, которым было увенчано пропагандистское наступление «белых».

Коммунистические лидеры Советской Баварии являлись яркими ораторами, чувствовавшими настроение аудитории и способными управлять ею, однако без наличия практических успехов невозможно было разъяснить позитивные цели новой власти, убедить колеблющихся в том, что она способна обеспечить всем горожанам избавление от нужды и страданий. Авторы обращений и программных статей БСР обладали индивидуальным почерком и доходчивым стилем, но не могли избавиться от штампов ортодоксального марксизма, от черно-белого видения мира, разделенного на буржуазию и пролетариат. Уже упоминавшийся эффект новизны был быстро утрачен, обещания грядущей в близком будущем «цепи побед советской власти» в соседних странах также не сбывались.

Различные сюжеты из истории Мюнхенской коммуны показывают, что к концу апреля она стала выходить из состояния победной эйфории, начала последовательную борьбу с дикими реквизициями и красноармейской вольницей, сделала первые шаги по налаживанию осмысленного администрирования. Первоначальные представления о том, что Советская Бавария — только искра, призванная зажечь революционный пожар во всей Германии, были весьма похожи на большевистскую идею немедленной «мировой революции». После того, как функция искры оказалась исчерпанной, лидеры и сторонники коммунистической диктатуры начали обустраивать общественную жизнь «всерьез и надолго».

Дискредитация их действий в рамках пропагандистской войны, которую выиграло правительство Гофмана, имела далеко идущие последствия. Обвинения в адрес мюнхенских коммунаров будут подхвачены нацистским движением и войдут в идеологический арсенал «третьего рейха». Демонизация противника — излюбленный прием военной пропаганды, и гражданская война в Баварии не являлась в данном случае исключением. Живописание ужасов «красной диктатуры», которое распространялось по всей Германии, контрастировало с выводами официального полицейского отчета, подводившего итог апрельским событиям в Мюнхене: «если не принимать во внимание расстрел заложников, приходится признать, что во время правления советского правительства не было ни убийств, ни поджогов, ни изнасилований, ни крупномасштабных грабежей продовольствия, ни всеобщей экспроприации частной собственности»⁴⁹.

⁴⁹ StaB. Staatsanwaltschaft. 3124. Bl. 155.

Даже попав в чрезвычайные условия революционного переворота, мюнхенцы оставались мюнхенцами, а баварцы — баварцами. Для большинства обывателей он являлся продолжением и следствием военной эпохи, и потому доминирующая линия поведения, как и ранее, включала в себя показной энтузиазм, пассивное сопротивление и откровенное приспособленчество. Тот факт, что пик революционной волны в остальной Германии к апрелю 1919 г. был уже пройден, сыграл роковую роль для судеб Советской Баварии. Ее лидеры могли сколько угодно ссылаться на победы российских большевиков, но подвластное им в течение нескольких недель население было уверенно в неизбежном возвращении «законности и порядка», которые в ту эпоху отождествлялись с утверждением власти военных.

Приход в Мюнхен законной власти превратился в оргию наемников, решивших преподать наглядный урок послушания враждебному населению. Клара Цеткин, одна из лидеров КПП, в своем описании событий не могла не отталкиваться от привычных образов повседневной жизни баварцев: «Май 1919 г. Мюнхен, веселый разгульный Мюнхен, город упитанных краснощеких мещан, страстных поклонников пива, город пестрой, живущей лишь данной минутой богемы, превратился теперь в осажденный и завоеванный город. На улицах слышатся лишь ружейные и пулеметные выстрелы, взрывы ручных гранат да слова команды, говорящие о массовых расстрелах, на улицах видны лишь белогвардейцы, упивающиеся кровью спартаковцев, да пышущие злобой и ненавистью “горожане”, аплодирующие палачам и требующие все новых убийств и пыток»⁵⁰.

Однако прошло всего лишь несколько недель, и жизнь в городе, пусть даже под контролем военных, вернулась в привычную колею. Причины этого вытекали не только из шоковой терапии правительственных войск и общей усталости от революционных потрясений. В отличие от Советской России, где лозунг «грабь награбленное» был буквально выстрадан десятилетиями притеснений социальных низов, общественная структура Баварии отражала доминирование средних слоев в городе и деревне. Рабочие, потенциальная опора мюнхенских коммунаров, достигли в городе критической массы только в годы войны из-за ускоренного развития предприятий, работавших на военные нужды. Они рекрутировались в северных районах Германии, иммигрировали из Австро-Венгрии и Швейцарии, следовательно, воспринимались мест-

⁵⁰ Цеткин К. Революционные бои 1919 г. и борцы революции. — Коммунистический Интернационал. 1920. № 9. С. 1211-1212.

ным населением как чужаки, которым нет дела до благополучия Баварии.

На уровне повседневной жизни это породило конфликт, который в конечном счете и предопределил удаление из Исполкома БСР коммунистов—конфликт между локальным патриотизмом «местных» и идеологически обусловленным радикализмом «пришельцев». Советская Бавария стала жертвой внутренних противоречий в революционном лагере, и неизбежно сошла бы с исторической авансены без какого-либо внешнего воздействия. Кровавая экзекуция правительственных войск в Мюнхене не имела никакого здравого смысла, она носила явно показательный характер,

явившись очередной демонстрацией того самого доминирования силы над правом, которое достигнет своего апогея в Германии уже после прихода к власти Адольфа Гитлера. В дни существования БСР последний был еще никому не известным ефрейтором, который, повинувшись мейнстриму революционной эпохи, вошел в состав одного из казарменных советов мюнхенского гарнизона. Что ж, новейшая история Германии богата на парадоксы, и как бы парадоксально не звучало словосочетание «Советская Бавария», оно занимает в этой истории свое неотъемлемое место, пусть даже выпавшее на какое-то время из поля зрения профессиональной историографии.

Библиография:

1. Вернер П. Евгений Левинэ и Баварская советская республика. М. 1923
2. Вернер П. Баварская Советская республика. М. 1924.
3. Застенкер Н. Е. Баварская советская республика. М. 1934.
4. Мартов О.Ю. Мировой большевизм. Берлин. 1923.
5. Цеткин К. Революционные бои 1919 г. и борцы революции. — Коммунистический Интернационал. 1920. № 9. С. 1211-1212.
6. Akten der Reichskanzlei. Weimarer Republik. 13. Februar bis 20. Juni 1919. Boppard am Rhein. 1971.
7. Appelle einer Revolution. Dokumente aus Bayern zum Jahr 1918/1919; das Ende der Monarchie, das revolutionäre Interregnum, die Rätezeit. München 1968.
8. Hofmiller J. Revolutionstagebuch 1918/19. Aus den Tagen der Münchner Revolution. Leipzig. 1939
9. Höller H. Der Anfang, der ein Ende war: die Revolution in Bayern 1918/19. Berlin. 1999.
10. Die Münchener Räterepublik. Zeugnisse und Kommentar. Hrsg. von T. Dorst. München. 1966
11. Revolution und Räterepublik in München 1918/19 in Augenzeugenberichten. Hrsg. von G. Schmolze. Düsseldorf. 1969.
12. Siegert M. Aus Münchens schwerster Zeit. Erinnerungen aus dem Münchener Hauptbahnhof während der Revolutions- und Rätezeit. München. 1928.
13. Werner P. Die Bayrische Räterepublik. Tatsachen und Kritik. Leipzig. 191

References:

1. Verner P. Evgeniy Levine i Bavarskaya sovetskaya respublika. M. 1923
2. Verner P. Bavarskaya Sovetskaya respublika. M. 1924.
3. Zastenker N. E. Bavarskaya sovetskaya respublika. M. 1934.
4. Martov O.Yu. Mirovoy bol'shevizm. Berlin. 1923.
5. Cetkin K. Revolucionnye boi 1919 g. i borcy revolucii. — Kommunisticheskiy Internacional. 1920. № 9. S. 1211-1212.
6. Akten der Reichskanzlei. Weimarer Republik. 13. Februar bis 20. Juni 1919. Boppard am Rhein. 1971.
7. Appelle einer Revolution. Dokumente aus Bayern zum Jahr 1918/1919; das Ende der Monarchie, das revolutionäre Interregnum, die Rätezeit. München 1968.
8. Hofmiller J. Revolutionstagebuch 1918/19. Aus den Tagen der Münchner Revolution. Leipzig. 1939
9. Höller H. Der Anfang, der ein Ende war: die Revolution in Bayern 1918/19. Berlin. 1999.
10. Die Münchener Räterepublik. Zeugnisse und Kommentar. Hrsg. von T. Dorst. München. 1966
11. Revolution und Räterepublik in München 1918/19 in Augenzeugenberichten. Hrsg. von G. Schmolze. Düsseldorf. 1969.
12. Siegert M. Aus Münchens schwerster Zeit. Erinnerungen aus dem Münchener Hauptbahnhof während der Revolutions- und Rätezeit. München. 1928.
13. Werner P. Die Bayrische Räterepublik. Tatsachen und Kritik. Leipzig. 191